

*"Здесь жизнь из тайников глубин
восходит до вершин":*

поэтика

Долгополянская усадьба

История эта началась в июле 1991 г., когда я вместе со своим супругом отправилась в экспедицию по имениям Молоствовых. Идея совершить такую поездку появилась сразу, как только я начала заниматься темой «Дворянский род Молостровых», предложенной мне профессором Г. Н. Вульфсоном*. Маршрут наш начинался в Болгарах и заканчивался в с. Куралове.

Много нового и неожиданного узнали мы от местных жителей. Среди них особенно запомнился старожил д. Бугровки (Памфамировка) П. Д. Ишметьев. Он поведал необычную историю о хозяйке д. Долгая Поляна Елизавете Владимировне Молостковой. «На другом, высоком берегу Волги, в Долгой Поляне, — рассказывал Петр Дмитриевич, — Молостовы построили красивый дом с башенкой, для того чтобы видеть огни из дома родственников в с. Три Озера, неподалеку от Болгар». По рассказу того же П. Д. Ишметьева «однажды Елизавета Владимировна, узнав о побеге Ленина (непонятно, откуда он мог бежать? — С. Ф.), на лодке, лично (!) переправила его из Бол-

гар в Долгую Поляну и прятала в своей усадьбе. Именно за этот поступок она после большевистского переворота получила от советского правительства охранную грамоту и не была репрессирована». Об этом Ишметьев узнал от кого-то из крестьян, который якобы видел в имении Молостковой невысокого, лысого человека с усами и бородкой.

Просмотрев все имеющиеся книги с биографиями вождя, такого сюжета и даже намека на его существование я не нашла. Мы решили отправиться в Долгую Поляну и расспросить подробнее жителей деревни. Нас встретила умиравшая деревня. И в XIX столетии она была небольшой. Тогда в начале 1990-х гг. заселенными оставались только три — четыре дома. Основные трудности жизни в Долгой Поляне — проблемы с водой (хотя было много ключей), а также полная изолированность от мира поздней осенью и зимой из-за отсутствия хорошей дороги.

Летом на территории усадьбы находился детский лагерь «Чайка». Нам разрешили осмотреть молодостровский дом. На первом этаже располагались столовая, кухня, складские помещения. На второй этаж вела деревянная лестница, перила которой поддерживали резные балясины. Комнаты второго эта-

* Вульфсон Григорий Наумович (1920-2002), историк, доктор исторических наук (1973), профессор (1975), заслуженный деятель науки ТАССР, РФ.

Усадьба Молоствовых в д. Долгая Поляна. Июль 2009 г. Фото А. Г. Фролова.

жа использовались для занятий в кружках. В одной из них был камин с лепниной, на полу — дубовый паркет. Напротив дома, там, где когда-то стоял деревянный флигель, была сделана танцплощадка. У входа в дом росла гигантская ель — символ крепости семейных уз, посаженная владельцами усадьбы.

За домом, по склону холма, раскинулся запущенный парк. Когда-то он террасами сходил к Волге. Еще оставались следы родника, выложенного камнем. Никакого озера рядом с домом не было, только поросший репейником овраг. Местные жители рассказывали о том, что супруги Молостовы были похоронены в парке, за домом, но надгробные плиты с их могил давно разбиты и выброшены. Поэтому отыскать место захоронения было трудно. На наш вопрос о том, не сохранились ли у кого из сельчан какие-нибудь документы, фотографии, книги, мы узнали, что после смерти хозяйки усадьбы долгое время местные ребяташки играли в фанты с цветными открытками. Но ни одной из них не сохранилось. Мебель из усадьбы, как и книги, вывезли в с. Монастырское, куда мы и отправились.

В Монастырском мы узнали от директора местной школы, которая была тогда хранительницей музея, о дальнейшей судьбе книг из Долгой Поляны. Они поступили в Тетюши, в библиотеку райкома партии, а после ее закрытия — осели у представителей партийной верхушки и, возможно, до сих пор хранятся у их потомков. Не исключено, что в годы войны часть книг привезли в Казань и продали. Но до сих пор не обнаружено ни одной книги из долгополянского собрания.

Так началось наше знакомство с историей Долгой Поляны. Постепенно ее загадки и тайны раскрывались.

* * *

Владельцами Долгой Поляны на протяжении трех столетий были представители рода Молоствовых. Это древний дворянский род, ведущий свое происхождение из татар. Они были крупными земле- и душевладельцами. Только в Спасском уезде Казанской губернии к 1858 г. Молостовым принадлежало почти 36 тысяч десятин земли и около 7 000 душ крепостных крестьян обоего пола¹.

Среди Молоствовых были видные представители как на военной, так и на гражданской службе. Они занимали важные и престижные должности уездных и губернских предводителей дворянства. По воспоминаниям современников, «семья Молостровых пользовалась большим уважением в Казани и представляла собой ядро старой аристократии, или старожилов Казанской губернии»². Уже во второй половине XVIII в. этот род стал хорошо известным среди дворянства Казанской губернии и Среднего Поволжья. Молостровы были в родстве и поддерживали дружбу с видными представителями интеллектуальной элиты России: Баратынскими, Мусиными-Пушкиными, Великопольскими, Депрейс, Энгельгардтами, Еремеевыми, Булыгиными, Колбецкими. Они были знакомы с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, Л. Н. Толстым, В. И. Далем и другими крупными деятелями общественно-политической и культурной жизни России.

Земля, на которой впоследствии возникла деревня Долгая Поляна, была пожалована Ивану Ивановичу Молострову в середине XVII в. До начала XIX в. эта территория называлась пустошью. Название было дано владельцами и отражало географические особенности местности, на которой она возникла: длинное, протяженное поле без посева, окруженное лесом.

В 1794 г. пустошь Долгая Поляна занимала площадь 448 десятин 1 170 сажень³. В первые годы XIX в. на этой земле возникла деревня. Инициатором ее создания был Порфирий Львович Молостров (1760-1808), надворный советник, губернский предводитель дворянства, один из богатейших помещиков края: ему принадлежало более 14 000 десятин земли и свыше 1 000 крепостных крестьян⁴. В Долгой Поляне в это время проживало только 20 крестьян мужского пола. Резиденцией Молострова было с. Рождественское (Три Озера тож) в Спасском уезде Казанской губернии. Он прочно обустраивается здесь в конце 1780 — начале 1790-х гг. К этому времени относится строительство всего усадебного комплекса, не сохранившие-

гося до наших дней⁵. П. Л. Молостров, по воспоминаниям современников, был добрым, правдивым человеком, «роскошный хлебосол и тем приобрел уважение и любовь своих сограждан»⁶. Он был не «слишком веселого нрава, но любил веселость и молодежь», которой и окружал себя⁷.

Следующим владельцем деревни был его сын Владимир Порфирьевич (1794-1863) — крупный сановник николаевской эпохи. Будучи попечителем Казанского учебного округа (1847-1857), он сыграл заметную роль в истории народного образования и культуры Среднего Поволжья⁸.

Переселив крестьян в Долгую Поляну, Молостровы не создали там своей усадьбы. Она появилась позднее, в 1870-е гг., когда владельцем деревни стал Герман Владимирович Молостров (1827-1894), генерал от артиллерии, участник русско-турецких и кавказских войн, начальник местных войск Казанского военного округа⁹. После его смерти имением владела сначала его супруга, затем дети. С 1903 г. единственным владельцем Долгой Поляны был Владимир Германович Молостров (1859-1918). Деревня была для него постоянным местом жительства; здесь он создает свое «фамильное гнездо».

Владимир был первым ребенком в семье Германа Владимировича и Антонины Таврионовны Молостровых. Он был назван в честь деда, генерал-лейтенанта и сенатора В. П. Молострова. Выпускник Пажеского корпуса, он служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Разочарование службой, желание найти себя в этом мире привели его к мысли о путешествии по Востоку, которое он совершил в 1892-1895 гг., пройдя пешком Сирийскую пустыню. В 1896 г. он возвращается на службу и работает до 1904 г. в дворянском и крестьянском земельных банках; после отставки — в органах местного самоуправления Тетюшского уезда: сначала гласным уездного земского собрания, с 1905 по 1916 г. — уездным предводителем дворянства, а с 1906 по 1915 г. — почетным мировым судьей¹⁰. Должность уездного предводителя по-

зволюла сосредоточить в руках довольно большую власть и влиять на многие события в жизни помещиков уезда и губернии. Таким образом, на протяжении 12 лет В. Г. Молоствов фактически был первым лицом в Тетюшском уезде.

У себя в имении Молоствов стремился сделать хозяйство более прибыльным, используя новые технологии и более совершенные орудия труда. Им была предпринята попытка разработки нефтяных месторождений. После обнаружения нефти в Долгой Поляне было образовано «Акционерное общество Казанских нефтяных промыслов»¹¹. В 1913 г. В. Г. Молоствов согласился быть директором Казанского отделения этой компании. После начала Первой мировой войны финансирование было прекращено и работы остановлены. Предпринятые Молостовыми шаги по разработке залежей полезных ископаемых не дали производственного эффекта. Но сам факт обращения к нефтедобыче показывает, что помещики разбирались в экономической конъюнктуре, поскольку интерес к нефти на внутреннем и внешнем рынке в конце XIX в. был достаточно высоким.

В возрасте 40 лет Владимир Германович женится на Елизавете Владимировне Бер — дочери действительного статского советника, члена Казанской судебной палаты В. Б. Бера. Отец Елизаветы Владимировны, сам выпускник Царскосельского лицея, стремился дать детям хорошее образование. Занимаясь дома под руководством домашних учителей, Елизавета Владимировна экстерном сдала экзамены по программе реальной гимназии и продолжила свое образование во Франции и Италии, совершенствуясь во французском, немецком, английском и итальянском языках. Сильное влияние на мировоззрение Елизаветы Владимировны и ее старшего брата Бориса оказывала их домашняя учительница А. П. Кондратьева. Она была первым критиком и ценителем стихотворных опытов детей. Брат и сестра Бер высоко ценили знания, педагогический опыт и нравственные качества своей учительницы. Елизавета

Владимировна вспоминала: «Адель Петровна Кондратьева — моя учительница, человек выдающийся по уму и образованию. Она очень сочувственно относилась к литературным опытам Бориса. Он часто у нее бывал, принося ей на суд свои первые произведения»¹². Она была довольно критична и в письме Елизавете от 6 апреля 1897 г. писала: «Лиза, скажу только тебе одной, а ведь стихи его, по моему разумению, слабы и по содержанию, и по форме [...] Я бы на его месте избрала бы переводы в стихах»¹³.

Елизавета, вернувшись из-за границы, с 1891 по 1894 г. преподавала в основанной ее матерью женской воскресной школе Нижнего Новгорода¹⁴.

Венчание Владимира Германовича Молостова и Елизаветы Владимировны Бер состоялось 5 сентября 1899 г. в Покровской церкви Казани¹⁵. Молодые сначала поселились в доме тестя на ул. Рыбнорядской (в доме Крестовникова)¹⁶, потом отправились в Долгую Поляну. По преданию, именно для Елизаветы Владимировны была высажена аллея из лиственниц от Волги до большака. Вдоль нее и приехали молодожены в усадьбу. Сегодня в лиственничной аллее уцелело более 400 деревьев, и она по праву остается одной из главных достопримечательностей Татарстана.

Создание усадьбы, ее благоустройство и переезд на постоянное жительство в Долгую Поляну стали для супругов Молостовых важной, поворотной вехой в их семейной жизни и личной жизни каждого в отдельности. В своем первом письме Л. Н. Толстому от 9 апреля 1904 г. Елизавета Владимировна так писала об этом: «Я четыре года замужем. Мы всегда жили по зимам в городе, а мой муж служил, хотя не любил службы и мечтал о сельском хозяйстве. А я, благодаря Вам, стала сознавать все более и более, насколько городская жизнь вредна и бессодержательна. И мы решили бросить ее и переехали в деревню. Здесь я нашла тот покой, которого не знала прежде, здесь проще, радостнее и, несмотря на самые разнообразные занятия, есть время читать и думать»¹⁷.

Сельская «дворянская усадьба» в России — это не только место жительства рода. Это уникальное социальное, историко-культурное, психологическое, эстетическое явление русской жизни. Возникнув как жилой и хозяйственный комплекс, «дворянская усадьба» постепенно становилась архитектурно-парковым и культурным центром. Не стала исключением и усадьба Молоствовых в Долгой Поляне.

В конце XIX — начале XX в. усадьба включала в себя комплекс жилых и хозяйственных строений¹⁸. За помещичьим домом на юго-восточном склоне холма располагался фруктовый сад, спускавшийся к Волге террасами. Приблизительно в 1904-1907 гг. вместо старого деревянного господского дома был построен новый каменный (который и сохранился). Свидетельством этого является отрывок из письма А. Т. Молостовой своей невестке от 1907 г., в котором она интересуется: «Как новый дом? Продвигается ли?», а в марте 1908 г. спрашивает, въехали ли в новый дом¹⁹.

Архитектор долгополянского дома не известен. Особняк Молоствовых напоминает средневековый замок в миниатюре и представляет собой двухэтажное прямоугольное в плане здание. Первый этаж обработан рустом, второй этаж — пилястрами. Окна второго этажа декорированы зубчатым обрамлением. Левый торцовый фасад решен в виде башенки под шатровой крышей. Дом представляет собой памятник архитектуры периода эклектики с элементами псевдоготики.

В доме на первом этаже были гостиная, столовая с выходом на террасу, библиотека, соединенная с зимним садом; на втором этаже располагались жилые комнаты (спальни, гостиная, ванная и т. д.)

Согласно описи имения за 1911 г., на территории усадьбы были расположены: двухэтажный каменный дом, каменная кухня, одноэтажный деревянный флигель, каменная изба с квартирой приказчика, молочная изба, три погреба, два амбара, молотильная сушилка, два коровника, телятник, три ко-

нюшни, каретник, дачный флигель, кухня, прачечная, изба лесного сторожа, три бани²⁰.

Активная общественная и хозяйственная деятельность Владимира Германовича находила поддержку и одобрение у Елизаветы Владимировны. Она, тоже желая приносить пользу обществу, но не зная, куда приложить свои силы, обратилась за наставлениями к Л. Н. Толстому. Он откликнулся на ее письмо, между ними завязалась переписка. В апреле 1905 г. она впервые посетила Ясную Поляну. Взаимная симпатия, общность интересов стали основой для многолетней дружбы между семьями Толстого и Молостровых и нашли отражение в переписке и дневниковых записях. Так, супруга Л. Н. Толстого Софья Андреевна накануне приезда Е. В. Молостовой в Ясную Поляну в письме от 4 февраля 1910 г. заметила: «Рассказать Вам всегда хочется очень многое потому, что у Вас чуткая душа, Вы все понимаете, на все отзывчивы, и я очень Вас люблю»²¹. В письме от 7 апреля того же года находим отзыв о Владимире Германовиче: «Посетителей бывает много, но таких милых и приятных, как Вы и Ваш муж, — очень редко. Владимир Германович в свое короткое пребывание у нас сумел всех без исключения заставить себя полюбить. Передайте ему от меня и всех нас — поклон и надежду, что он опять как-нибудь заглянет в Ясную Поляну. А о Вас и говорить нечего, как с каждым разом все больше ценишь и любишь Вас»²².

Под влиянием Толстого Е. В. Молостова увлеклась изучением русского сектантства и написала несколько исследований, опубликованных в журналах и сборниках. В 1914-1916 гг. по предложению Российской академии наук она собирала в Казанской губернии письма участников Первой мировой войны и вела записки с целью осветить истинное отношение народа к событиям тех лет. На основе этих материалов в 1917 г. в Казани она издала книгу «Солдатские письма»²³, доход от издания которой поступил в пользу воинов, потерявших зрение.

События октября 1917 г. были с тревогой встречены в Долгой Поляне. Ее владельцы, как и большинство состоятельных людей того времени, стояли перед выбором: уехать или остаться. В январе 1918 г. трагически погиб Владимир Германович Молоствов. Елизавета Владимировна тяжело переживала случившееся. Поддерживал приехавший из Москвы старший брат — Борис Бер. Памяти хозяина Долгой Поляны он посвятил «Элегию». Она хранится в НА РТ в личном архивном фонде Александры Валерьяновны Молостковой, двоюродной сестры Владимира Германовича. Вероятно, «Элегию» прислала ей Елизавета Владимировна.

Борис Бер и раньше бывал в Долгой Поляне, подолгу гостил у сестры, которая еще в начале XX в. предлагала ему окончательно поселиться в усадьбе. В Долгой Поляне Б. В. Бер провел последние три года своей жизни. Они были очень плодотворны. Тогда им были созданы два тома литературных стихов, том стихов литературно-мистического содержания «Изумрудная скрижаль» и том поэм, сказаний и сказок «Святая Русь». В начале 1919 г. в Долгой Поляне Бер создал поэтический сборник «Акварели зимы», посвященный юной княжне Екатерине Павловне Ухтомской — дочери Александры Германовны, сестры В. Г. Молосткова. Именно в этих стихах он воспел Долгополянскую усадьбу. Не всегда они складны и удачны. Ценно, на наш взгляд, переданное в них ощущение уходящего времени и жизни в этом «родовом гнезде».

Вместе с братом и воспитательницей-немкой А. М. Гауг Елизавета Владимировна пережила в усадьбе страшные годы Гражданской войны, неоднократные попытки выселить ее из усадьбы, разграбить и сжечь дом. За помощь продовольствием и фуражом, оказанную Молостковой Первой Конной армии С. М. Буденного, ее усадьба решением народного комиссариата просвещения была взята под охрану, а так как здесь находилось «весьма ценное в культурном отношении хозяйство и усадьба», «библиотека и этнографический ар-

хив по исследованию уральских сектантов» временное наблюдение и заведование было поручено Е. В. Молостковой²⁴.

Вспоминая это время, Елизавета Владимировна писала: «1918 год принес мне тяжелое горе — кончину моего мужа. Борис приехал в Долгую Поляну, и мы здесь прожили вместе почти три года. Несмотря на трудные жизненные условия, на стеснения, тревоги и опасности, он много и плодотворно работал. [...] В конце ноября 1920 г. Борис уехал в Москву. Его переводы приняли к изданию*. На обратном пути из Москвы в Казань Борис хотел провести месяц в Долгой Поляне. 5/18 января при посадке на ходу поезда в вагон ему раздробило пальцы левой ноги, следствие[м] явился паралич всей правой стороны тела. В Казани проф[ессор] [...]** тотчас же сделал ему операцию удаления ступни. Борис лежал в больнице б[ывшего] губернского земства. 10/23 января 1921 г. он скончался и погребен в Казани на Арском кладбище. В посмертном письме ко мне он завещал при первой возможности перевести его прах в родовую могилу в Знаменском***»²⁵.

Оставаясь жить в Долгой Поляне, Е. В. Молостова пыталась всеми способами спасти любимый уголок. Ей предстояла нелегкая борьба, главным противником в которой стала местная «советская бюрократия». Борьба шла с переменным успехом, хотя, в целом, Молостова в этой схватке проигрывала. Восхищает ее сила духа и упорство.

В середине лета 1929 г. Елизавета Владимировна была выселена из своего дома. В нем разместились школа коммунистической молодежи. Возглавлял ее А. О. Бекшанский, приехавший в Долгую Поляну со своей семьей. Молостова, как добрая и приветливая хозяйка, выделила Бекшанскому всю необходимую его семье мебель, вплоть до кроватей. Сама стала жить рядом в деревянном флигеле, который не сохранил-

* В ноябре 1920 г. перевод Б. Бером книги У. Уитмана «Листья травы» был одобрен А. В. Луначарским и готовился к печати (см.: Иванова Е. В. Бер Борис Владимирович // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. — М., 1989. — С. 240-241).

** Фамилия написана неразборчиво.

*** Имеется в виду село Знаменское Ардатовского уезда Симбирской губернии.

ся. В доме же ей была выделена одна комната для научных занятий. Во время нахождения школы в доме зал с библиотекой переделали для зимовки пчел. Книги отсырели. Воспитанники, ленясь ехать за дровами, жгли дубовый паркет. Бекшанский по-своему «отблагодарил» гостеприимную хозяйку. В июле 1931 г. при переезде школы из Долгой Поляны в с. Монастырское он увез с собой понравившуюся ему мебель: кровать, высокие кленовые библиотечные шкафы с лестницей, дубовый стол, не спросив даже разрешения у Молоствой. Ее многократные попытки вернуть имущество были безуспешны²⁶.

В феврале 1930 г. местные власти приняли решение о раскулачивании Е. В. Молоствой. Прокурор ТАССР отменил это решение. В обход этого Тетюшский волостной исполнительный комитет наложил на Молоствою платеж в 382 рубля. Вывезли кровати, мебель из рабочего кабинета, библиотечный шкаф, личные вещи. Конфисковали двух лошадей и двух коров, а также последний хлеб, не подлежащий бесплатному изъятию. И опять ей пришлось доказывать, что она «является членом общества, полезным рабоче-крестьянскому государству»²⁷.

В конце концов Молоствова обратилась к М. И. Калинину с просьбой о передаче дома Союзу писателей. В 1931 г. в Долгой Поляне разместился Дом творчества и отдыха писателей. Здесь бывали и подолгу гостили С. А. Толстая, П. А. Павленко, С. Д. Мстиславский, А. И. Шварц, Л. М. Коренева и др.

В советские годы Молоствова не прекращала свою научную деятельность: была сотрудницей местной метеорологической станции, вела опытные так называемые «географические посевы» под руководством академика Н. И. Вавилова, выполняла поручения Казанского университета по исследованию флоры Татарстана, создала в деревне краеведческую секцию. Как и до революции, продолжала обучать местных ребятшек грамоте.

1 августа 1936 г. Елизаветы Владимировны не стало. Ее похоронили рядом с супругом. Зная об отношении к

ней тетюшского общества, она заранее, еще в 1925 г., передала в научные учреждения свой архив и архив брата Бориса Бера. Библиотеку (более восьми тысяч томов) она завещала музею Л. Н. Толстого. Но ее своевременно не вывезли, и книги были утрачены.

Усадьба продолжала свое существование. После закрытия Дома отдыха писателей в Долгой Поляне разместился детский туберкулезный санаторий, затем — детский дом, дом инвалидов, районный детский лагерь «Чайка».

В начале 1930-х гг. в Долгой Поляне гостил правнук Л. Н. Толстого Александр Ильич Толстой со своей бабушкой Ольгой Константиновной. До 1957 г. он поддерживал связь с проживавшей в Москве племянницей Елизаветы Владимировны — Александрой Михайловной Кругликовой (по первому мужу). А. И. Толстой передал ей тетради с ранними стихами Е. В. Молоствой, но она не разрешила ему их переписать и прекратила все отношения. Однако у Александра Ильича было четыре стихотворения Елизаветы Владимировны, переписанные им еще в 1936 г. и переданные в 1977 г. ульяновскому краеведу Б. Н. Никольскому. Рукопись со стихами Е. В. Молоствой Никольский передал заслуженному деятелю науки и техники, композитору Л. И. Волгину в 1982 г., чтобы тот написал мелодии для романа. Стихи вошли в сборник Ульяновского государственного технического университета «Университетская панорама» (1997)²⁸.

В фонде Е. В. Молоствой в Музее истории религии мною было обнаружено еще одно ее поэтическое произведение — стихотворное послание брату Б. В. Беру в день его именин²⁹.

Все пять стихотворений Е. В. Молоствой стали романами. Авторами первых трех из них является преподаватель Ульяновского университета А. Г. Гуревич, двух последних — Л. И. Волгин³⁰. Стихотворения, публикуемые ниже, принадлежащие владелице Долгополянкой усадьбы Е. В. Молоствой и ее брату поэту-символисту Б. В. Беру, содержат поэтические описания усадьбы и окружаю-

щей природы, повествуют о взаимоотношениях между братом и сестрой.

* * *

В конце 1990-х гг. представители местной администрации обратились ко мне с предложением написать об усадьбе Молоствовых в Долгой Поляне, что я и сделала. Тогда мне казалось, что это станет первым шагом к возрождению «культурного гнезда». Местные жители и общественность Татарстана узнают, наконец, об этой «жемчужине», начнется работа по ее восстановлению. Книге обрадовались, но... не опубликовали, рукопись передали в Тетюшский музей.

Для экспозиции Тетюшского музея в Национальном архиве РТ мною были подобраны документы. Вместе с экологами я написала для Кабинета Министров РТ «Обоснование необходимости реставрации и восстановления усадьбы Молостровых в деревне Долгая Поляна как исторического памятника». Совместные усилия ученых и чиновников принесли свои плоды. На основании постановлений Кабинета Министров РТ от 22 января № 38 и от 7 июля 2000 г. № 486 особняк Молостровых внесен в Государственный охранный реестр недвижимых памятников градостроительства и архитектуры республиканского значения и создан историко-архитектурный и природный парк «Долгая Поляна»³¹.

Принять участие в реставрационных работах предложил мне бывший тогда главой администрации Тетюшского района П. А. Чекмарев. Предлагалось создание научного коллектива для реставрации усадьбы и организации в ней музейного комплекса. Для реставрационной мастерской мною была написана обширная историческая справка. На этом сотрудничество и завершилось. Работы, производимые в усадьбе с 2000 по 2005 г., вылились в ее «подновление» и были шагами к уничтожению этого исторического памятника. Единовременно во всей усадьбе были сняты все оконные рамы. Осенние дожди заливали комнаты. Так усадьба стояла несколько дней. Добротные дубовые

Усадьба Молостровых в д. Долгая Поляна.
Июль 2009 г. Фото А. Г. Фролова.

двери тоже были вырваны с корнем, разбиты паркетные полы и т. п. К зданию был пристроен флигель для приема «высоких гостей», уродующий один из главных видов на особняк.

С 2006 г. ремонтно-реставрационные работы осуществлялись Татарским специальным научно-реставрационным управлением. За это время был укреплен фундамент, дом оштукатурен и выкрашен, на втором этаже в нескольких комнатах отреставрирован паркет. В 2009 г. на продолжение работ средств не было выделено. Одной из главных проблем дома Молостровых по-прежнему остается возможность затопления подвала, что может стать причиной обрушения целых частей здания. Разрушены верхние ярусы подсобной деревянной лестницы, ведущей на башню.

На протяжении всех этих лет бесменным и единственным сотрудником усадьбы, хранителем дома оставалась и остается Т. В. Железнова. Она убирала строительный мусор, проводила экскурсии и невольно выступала популяризатором и распространителем моего неопубликованного исследования.

Сегодня особняк Молоствовых является памятником истории и культуры республиканского значения, находится в ведении Министерства культуры Республики Татарстан, а историко-архитектурный парк преобразован в историко-природный заказник регионального значения, комплексного профиля и передан в ведение Министерства экологии и природных ресурсов РТ.

Думаю, что возрождение усадьбы в Долгой Поляне будет возможно при соз-

дании в ней историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника не муниципального, а федерального уровня — как современного многопрофильного музейного комплекса, выполняющего научную, просветительную, социально-культурную и природоохранную функции. Подобные музеи (например, Коломенское в Москве, «Музей-усадьбы Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”» и т. п.) уже созданы и успешно развиваются.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фролова С. А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. — 1861 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1998. — С. 13.
2. Ватаги М. П. Быль минувшего // Исторический вестник. — СПб., 1913. — Т. 132. — № 5. — С. 423.
3. НА РТ, ф. 324, оп. 725, д. 85.
4. Фролова С. А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. — 1861 г.): Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1998. — С. 93-95.
5. Фролова С. А. Дворянские усадьбы Казанской губернии (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Краеведческие среды. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2001 г. — Казань, 2002. — Вып. 2. — С. 12-13.
6. ОРК НБЛ КГУ, ед. хр. 2576, л. 37 об.
7. Вигель Ф. Ф. Записки. — М., 1897. — Ч. 2. — С. 131.
8. Подробнее о нем см.: Фролова С. А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. — 1861 г.): Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1998. — С. 166-203; Она же. «Почти все части нашего хозяйства ожидают улучшения» (О. М. Ковалевский и В. П. Молоствов о состоянии Казанского учебного округа 150 лет назад) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2007. — № 1. — С. 157-169; Она же. «Имеет ли он познания, к сему роду службы нужные?» (Как сдавали экзамен в Казанском университете будущие попечители Казанского учебного округа В. П. Молоствов и М. Н. Мусин-Пушкин) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2008. — № 2. — С. 77-86; Она же. Попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов и проблема перевода восточного отделения Казанского университета в С.-Петербург // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX-XX вв.): проблемы изучения: сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С. М. Михайловой / Ответ. ред.: Г. П. Мягков, Р. А. Набиев. — Казань, 2008. — С. 462-468.
9. НА РТ, ф. 350, оп. 1, д. 1784, л. 20-28 об.
10. Там же, ф. 407, оп. 1, д. 931, л. 16-16 об.; д. 939, л. 15-23; д. 910, л. 54-64; д. 939, л. 65-75, 87-97, 76-86.
11. Там же, ф. 1184, оп. 1, д. 2, л. 19-19 об.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 43, оп. 1, д. 121, л. 60.
13. Там же, д. 122, л. 7.
14. Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 5, оп. 1, д. 657, л. 1.
15. НА РТ, ф. 51, оп. 1, д. 350, л. 9.
16. Адрес-календарь г. Казани за 1906 г. — Казань, 1906. — С. 121, 134.
17. Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, Т. С. 186/12.
18. НА РТ, ф. 259, оп. 1, д. 477, л. 12-12 об.
19. ГМИР, ф. 5, оп. 1, д. 211, л. 23.
20. НА РТ, ф. 123, оп. 1, д. 326, л. 55 об.
21. РГАЛИ, ф. 508, оп. 5, д. 42, л. 11.
22. Там же, л. 15 об.
23. Солдатские письма / Сост. и вступ. ст. Е. В. Молостовой. — Казань, 1917. — 98 с.
24. НА РТ, ф. Р-1349, оп. 1, д. 14, л. 68.
25. РГАЛИ, ф. 43, оп. 1, д. 122, л. 798.
26. ГМИР, ф. 5, оп. 1, д. 844, л. 1.
27. Там же, д. 849, л. 19.
28. Университетская панорама. Поэтический альманах. — Ульяновск, 1997. — С. 186, 187, 299-303; Волгин Л. И. Стихи из старинного альбома // Университетская панорама. — 2000. — 15 декабря.
29. ГМИР, ф. 5, оп. 1, д. 605, л. 1.
30. Университетская панорама. Поэтический альманах. — Ульяновск, 2001. — С. 94-106.
31. Опубликовано в справочно-информационной системе «Консультант Плюс».

Морозным блеском солнца озарила
Снега Заволжья золотая даль,
Прорвав туманов душную печаль
Царит лучей непобедимых сила;
Застыл свод неба сине-голубой
Над рыжевато-черными лесами
И белыми безбрежными снегами,
Повитыми холодной синевой;
Прозрачен день сверкающий и строгий
Отчетливы горбатые отроги
Над млечно-белой мертвою рекой [...].

За днями дни пройдут своей чередой,
И солнце поворотит Спиридоний,
Заблещут ярче огненные кони
Над ровной белоснежной пеленой
И землю, отягченную снегами,
Пригреют вновь румяными лучами
И обнадежат близкою весной.

Повеет марта теплое дыхание:
Осядет наст и побегут снега,
На солнце обнажая берега;
И будет злее ветра завыванье
И яростней последняя вьюга;
Дни станут яркие, ночи не так долги;
Апрель угонит льды с родимой Волги;
Заплещет вновь разгульная волна;
Широким морем разольются воды,
И загудят над ними пароходы;
И засмеется радостно весна.

Ее приход и ждан, и все ж нечаен,
Так хороша ее благая весть
Как будто счастье ей дано принести...
Не даром поджидал ее хозяин
С привычным нетерпеньем каждый год,
С ней вместе к новой жизни воскресая,
Ее улыбкой труд свой озаряя:
Он чаял, что весна ему несет
Богатый и теплом, и красотой,
Взлелеянный спокойною мечтою,
Обычной жизни добрый обиход.

Что ж не звучит сегодня голос властный,
Как он звучал в прошедшие года,
Сзывая всех на празднество труда?
Хозяин, где ты? Тихий и бесстрастный,

Ты зова не услышишь никогда:
Под ветками смолистой мягкой пихты
В любимом уголке лесном притих ты...
Зима с тобой расстаться не могла,
К весне ликующей тебя ревнуя,
Морозною печатью поцелуя,
Молчаньем на уста твои легла.

Спи, добрый брат! Наверно ты судьбою
Любимей тех, кого покинул ты
В тот день, когда, как осенью листья,
Взметнулись беды над страной родною,
Когда со скорбью отвратил лицо
От нас земли единственный хозяин,
И брат на брата поднялся как Каин;
Когда сомкнулось липкое кольцо
Тупых, звериных, диких вожделений,
И назлого врага холодный гений
Вступает на разбитое крыльцо.

Что ждет живых? Какие испытанья?
Какой зловеющий пролетает дух
В огне пожарниц, в грохоте разрух?
Какие волчьи ловит завыванья
Измученный и напряженный слух?
Идет землей оская зубы, голод,
Дробит ее безумья черствый молот,
Ее сосут, как злые упыри,
Ее же дети, в жадности сильнея,
В последних содроганиях Россия
И топчет в грязь родные алтари.

Спи, добрый брат! Спи честный сын народа,
Создавшего когда-то, как мечту,
России светлой мощь и красоту,
Наследник крепкий доблестного рода!
Со дна болот встает седая муть,
Не видевшая солнечного света,
Ползет и плещет на ковчег завета,
Холодным смрадом дышит злая жуть...
И тот блажен, кто не дождался ночи,
Чьи всех позором не увидят очи,
Чья смертным горем не дышала грудь!

Молись о нас, оставшихся живыми,
Кто, как и ты, родимый край любил,
Пусть нам пошлет Господь довольно сил,
Чтоб жить между могилами родными!

*Молись о той, кто лаской озарил
Твой день и кто желанным верным другом
С тобою рядом шел за мирным плугом.*

*Молись о ней. Молитва ей нужна.
Да ниспошлется ей долготерпенье,
Путей неизследимых* разуменье...
Молись о ней. Она теперь одна.*

НА РТ, ф. 1183, оп. 1, д. 25, л. 1-2 об. Рукопись. Автограф.

№ 2. Отрывки из поэтического сборника Б. В. Бера «Акварели зимы»

1919 г.

Долгая Поляна

25/II.

*Усадьбу нашу занесло
Нет и следа дорог,
И снег, как битое стекло,
Блестя везде залег.
Сияет солнце. Ярок день.
Шумят иглы сосны,
На покачнувшийся плетень
Холмы наметены.
Сугробы, рыхлые как пух,
На всех углах лежат
Нагнал метели белый дух
Работы для лопат.
Пошел бы в поле. Нет пути.
Увянешь до колен.
И вот приходится нести
Покорно зимний плен.
Но чем упорней этот гнет,
Чем плен мой тяжелей,
Тем на просторе из теней
Полет мечты сильней.
Пустой угрюмою зимой
Я заперт в тесный дом:
Безбрежный неба свод, он мой
И я купаюсь в нем.*

25/II.

27.

*Я в сумерках брожу по комнатам невольно,
Смотрю, как меркнет свет,
Как гасит ночь спокойно и безвольно
Дневных окрасок след... [...]
Как блекнут за окном при-
волжские просторы
И уплывают в даль...*

*И жаль мне опустить на окна шторы,
И с днем расстаться жаль.*

I/III.

31.

*Окно на башне как фонарь
Лучем заката зажжено
И, желто-огненный янтарь,
Горит высокое окно.
Навстречу солнцу я иду.
Лиливо-розов снег кругом,
Как бы в блестящую слюду
Обряжен солнечным лучем.
Вкруг солнца розовая пыль
На поле дымных облаков,
А среди нее не разлиты ль
Мерцанья бледных жемчужов?
Иль месяц за моей спиной
Плывет на свой дозор ночной?*

I/III.

32.

*На синем поле неба — дом,
Высокий, белый дом.
Окест него снегов постель,
Перед подъездом ель.
К нему из-под горы опять
Меж кленов я иду
И в белом доме я найду
Уюта благодать.
Здесь жизнь из тайников глубин
Восходит до вершин,
Здесь тишь меня встречает вновь
И мудрая любовь.*

РГАЛИ, ф. 43, оп. 1, д. 33, л. 4, 9-10.
Рукопись. Автограф.

* Так в документе.

№ 3. Стихотворения Е. В. Молоствовой

Волга встала. Тихо дремлют горы
Над пустынной белой гладью ее вод.
Широки заречные просторы,
Скрылся в них Затона резкий поворот.
В лиловой дымке чуть белеет
Церковь старая далекого села,
А закат все ярче пламенеет,
День еще один из жизни унося.

В этом мире мне жаль нежной ласки твоей,
Удивленного милого взора,
Золотого заката средь тихих полей,
Над заснувшей землею звезд узора.
Жаль мне летнего дня на прибрежном песке,
Трав высоких пахучих цветенья;
Солища жаркого утра и в ближнем леске
Птиц немолчное звонкое пенье.
Жаль гвоздики пучок на столе предо мной,
Принесенный любимой рукою,
И осеннего вечера мирный покой
У камина в беседе с тобою.
Жаль моих книг – моих мудрых друзей
с юных лет,
Жаль хранителей дивных творений,
Но я радость земли, как не меркнувший свет,
Унесу в мир других измерений.

Зимний день

День был прекрасный,
Лазорево ясный,
Солицем насквозь залитой.
Капало с крыши,
В безветренной тиши
Пахло как пахнет весной.
Медленно гасла
Лампадой без масла
Алой полоской заря
Смолкали все шумы.
Вечерние думы
Встали звездой горя.

Старость

Как странно уходить от этих ярких зорь,
И знать, что без тебя все будет так,
как было,
И чтоб никто кругом твою не понял хворь,
А все, что помнило — давно тебя забыло!

Грустишь ты? Но о чем? Что путь
окончен твой,
Что ночь сменяет день в естественном
теченье?

И отдых дан тебе, как благостный покой
С надеждой новых зорь при новом
пробужденье?

Усталость и болезнь — то зов
в надзвездный мир,
То голоса тебя опередивших,
И обещанье их, что если здесь ты сир,
То там тебя ждет сонм познавших
и любивших.

Университетская панорама.
Поэтический альманах. –
Ульяновск, 1997. – С. 186, 187, 299-303.

Мой милый брат! В заботах о земном
Я берегу души твоей паренье.
Ищу в них для себя пример смиренья,
И сил ищу в участии твоём.

Усталая, я отдохнуть не смела,
Чтоб отдыхом не удлинять свой путь.
Но в час освобожденья не забудь,
Что я тебя любила как умела.

Приложение: горшочек меду.*

ГМИР, ф. 5, оп. 1, д. 605, л. 1.
Рукопись. Автограф.

Публикацию подготовила
Светлана Фролова,
кандидат исторических наук,

* Так в документе.

